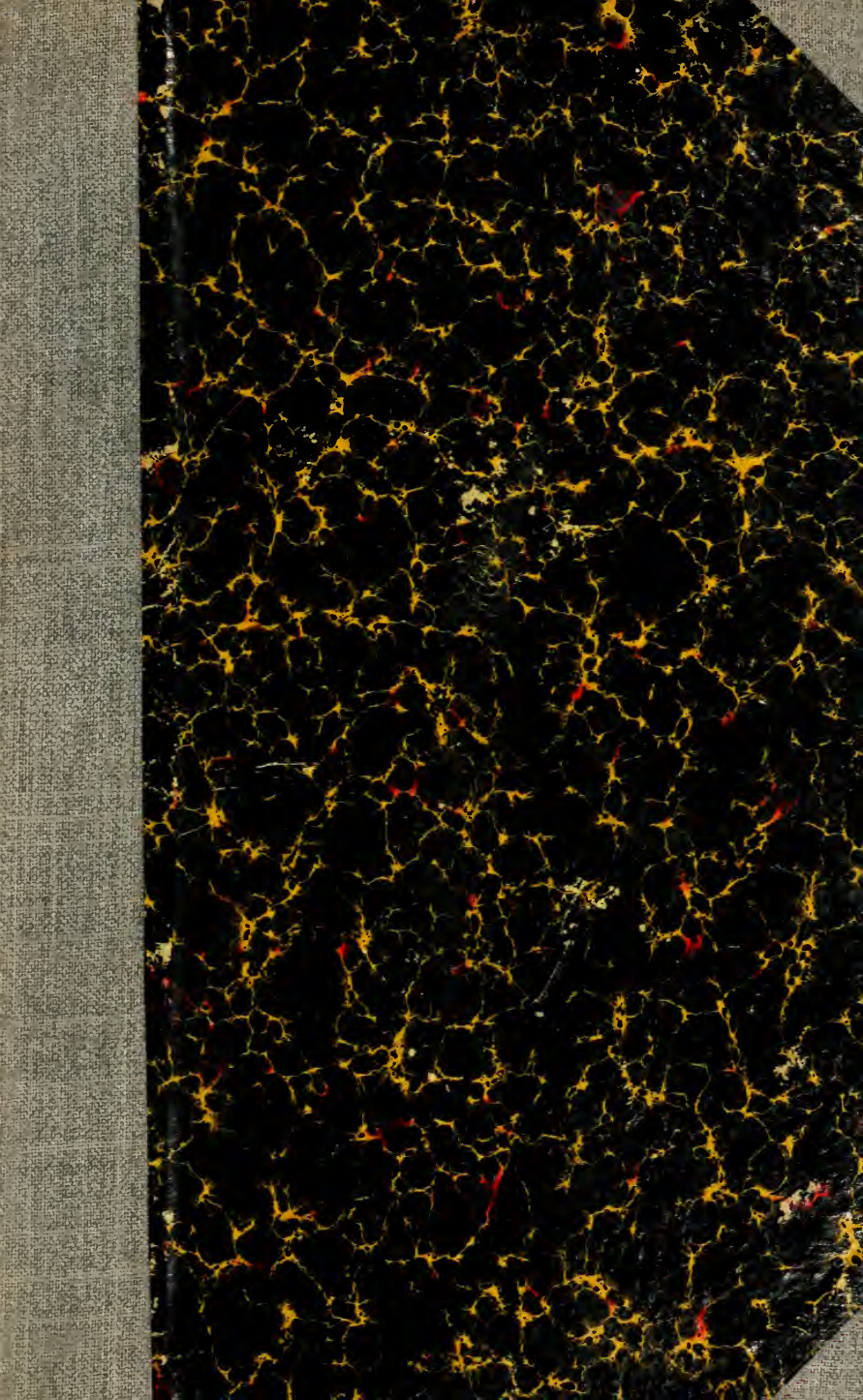

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

75
X

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
JACKSON STATE
31 ROUTE 100 HENRI
SHAWNEE

RUSSIAN LIBRARY
PUBLIC LIBRARY
EDUCATION - DISTRICT
ST. ROSE - PAUL BENE
SHANGHAI

„ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА“
XXIII

С. С. ВАН-ДАЙН

спр. 12374

Злой гений Нью-Йорка

Р О М А Н

спр. 12374

Книгоиздательство „Общедоступная библиотека“
Рига, Маринская ул. № 6

Типографія А. О. „Э. Левинъ“,
Рига, Мельничная ул. 33.

Г л а в а I

Кто убил Кок-Робина *)

Суббота, 2-го апрѣля, полдень.

Из всѣхъ уголовныхъ дѣл, в которыхъ Фило Ванс принимал участіе в качествѣ неофициальнаго слѣдователя, самымъ мрачнымъ, самымъ необыкновеннымъ, самымъ повидимому, непонятнымъ и самымъ ужасающимъ было дѣло об убійствахъ, по раскрытію которыхъ Ванс работалъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Джономъ Маркхемом, участковымъ Нью-Йоркскимъ слѣдователемъ, и которое стало извѣстно подъ названіемъ „дѣла Епископа“. Названіе было очень неудачное, такъ какъ в этомъ отвратительномъ списокѣ убійствъ, заставившемъ массу людей с особымъ вниманіемъ читать стишки изъ дѣтской книжки, не было ничего клерикальнаго, такъ же какъ и фамиліи „Бишоп“ **) не носило ни одно лицо, хотя бы отдаленно связанное с чудовищными происшествіями, извѣстными подъ этимъ заголовкомъ. Но до нѣкоторой степени названіе все-таки оправдывалось, такъ какъ убійца пользовался словомъ „епископъ“ с самыми преступными намѣреніями. Именно это слово и привело Ванса къ открытію невѣроятной истины и дало возможность положить конецъ ряду самыхъ ужасающихъ в исторіи полиціи преступленій.

В прекрасный, теплый весенній день, какимъ иногда

*) Кок-Робинъ дѣтское названіе лѣсной птички — зяблика.

**) Бишопъ по-англійски значитъ епископъ, а также шахматная фигура—слон.

небо дарит Нью-Йорк в апрѣлѣ, Ванс завтракал в садикѣ на крышѣ своей квартиры на 38-й Восточной улицѣ. Было близко к полудню, Ванс работал и читал по ночам, поэтому вставал поздно. Он сидѣл развѣлясь в удобном креслѣ, перед ним на низеньком столикѣ стоял завтрак; грустными глазами смотрѣл он сверху на вершины деревьев, росших на заднем дворѣ.

Уже много лѣтъ я был другом и юридическим совѣтником Ванса, кѣм-то вродѣ управляющаго денежными дѣлами и компаньона. Я покинул нотаріальную контору моего отца под фирмой „Ван-Дайн, Дэвис и Ван-Дайн“ и посвятил себя веденію дѣл Ванса, что я находил болѣе подходящим для себя, чѣм сидѣніе в душной конторѣ; и хотя у меня была собственная холостая квартира в одном из отелей в западной части города, большую часть времени я проводил у Ванса.

В это утро я пришел очень рано; Ванс еще не вставал, и, просмотрѣвъ счета на первое число мѣсяца, я лѣниво курил трубку пока тот завтракал.

Едва успѣл Ванс налить себѣ вторую чашку кофе, как в дверях с переносным телефоном в руках появился Керри, его старый камердинер и повѣренный во всѣх дѣлах.

— Это говорит м-р Маркхем, сэр, — извиняющимся тоном сказал старик. Он требовал вас очень настойчиво, поэтому я и осмѣлился сказать ему, что вы дома.

Он вставил конец проволоки в выключатель и поставил аппарат на столик.

— Хорошо, Керри, — тихо сказал Ванс и взял трубку. — Пусть хоть что нибудь нарушит это дьявольское однообразіе, — и он заговорил с Маркхемом. — Ну, что, старина, не спишь? А я ѣм яичницу; хочешь присоединиться? Или просто желаешь наслаждаться музыкой моего голоса?

Вдруг он остановился, и с его худощаваго лица исчезло шутовское выраженіе. Ванс имѣл типичныя черты сѣверянина: длинное лицо с рѣзкими чертами, сѣрые, широкоразставленные глаза, узкій орлиный нос и прямой, удлинненный подбородок. Рот у него был твердый,

красиво выдѣлявшійся на блѣдном лицѣ, но была в нем черта какой-то циничной жестокости, дѣлавшей его болѣе похожим на обитателя полосы Средиземнаго моря, чѣм сѣвера. Лицо было сильное и привлекательное, но нельзя сказать чтобы очень красивое. Это было лицо мыслителя, отшельника, и строгость его выраженія всегда была преградой между ним и его товарищами.

Он был неподвижен по природѣ и приучил себя к сдержанности в проявленіи чувств, но в это утро, я замѣтил, что он был не в состояніи скрыть жаднаго интереса к тому, что ему говорилось. Лоб его слегка сдвинулся в складки, в глазах мелькало изумленіе. Время от времени он давал выход своим чувствам любимыми восклицаніями: „изумительно!“ или „необычайно!“ или „честное слово!“

И когда, через нѣсколько минут, он заговорил сам, в его манерах чувствовалось странное возбужденіе.

— О, конечно!—сказал он.—Это право безумно... Сейчас одѣнусь. До свиданія.

Положив трубку на мѣсто, он позвонил.

— Подать сѣрый костюм,—приказал он Керри,—темный галстук и шляпу.—Потом он опять вернулся к яичницѣ.

Через нѣсколько мгновений он вопросительно посмотрѣл на меня.

— Вы знаете что-нибудь о стрѣльбѣ из лука, Ван? —Спросил он.

Я конечно не знал ничего, кромѣ того, что надо было пускать стрѣлы в цѣль, что я и пояснил ему.

— Ну, вы не очень то освѣдомлены,—и он лѣниво закурил папиросу.

— Я и сам не могу назваться авторитетом в этом дѣлѣ, но в Оксфордѣ я немного упражнялся в стрѣльбѣ из этого средневѣковаго оружія. Это не особенно интересная забава, гораздо скучнѣе чѣм гольф и совершенно такая же сложная.

Нѣкоторое время он мечтательно курил.

— Ван, принесите мнѣ том словаря, гдѣ говорится о стрѣльбѣ из лука, будьте добры.

Я принес книгу, и почти на полчаса он погрузился в главы о стрѣлковых обществах, турнирах, состязаніях и о знаменитых американских лучниках. Наконец он выпрямился в креслѣ. Очевидно он что-то нашел, что его смутило и заставило работать его быстрый ум.

— Это прямо безуміе, Ван,—сказал он, устремив глаза в пространство.—Средневѣковая трагедія в современном Нью-Йоркѣ! Клянусь Юпитером!..—Он внезапно выпрямился. — Нѣтъ, это совершенный абсурд. Я поддался безумію Маркхемовских сообщений... Он выпил еще кофе, но по выраженію его лица я видѣлъ, что он не может освободиться от овладѣвшей им идеи.

— Еще одну услугу, Ван, — наконец сказал он, — принесите мнѣ нѣмецкій словарь и собраніе дѣтских стихотвореній Стивенсона.

Когда я принес оба тома, он посмотрѣлъ одно слово в словарь и отложил от себя книгу.

— К несчастью, это именно так, хотя я все время знал это.

Потом он отыскалъ в огромном томѣ Стивенсона отдѣлъ дѣтских стихотвореній. Через нѣсколько минут он закрылъ также и эту книгу, и вытянувшись в креслѣ, стал пускать к потолку длинныя колеблющіяся ленты дыма.

— Это не может быть дѣйствительностью, — как будто возражая самому себѣ, сказал он.—Это слишком фантастично, что-то демоническое, совершенно извращенное... Волшебная сказка в кровавых тонах... Нѣчто противорѣчащее разуму... Немыслимое, как черная магія или колдовство. Это прямо безуміе...

Он посмотрѣлъ на часы и пошел в комнаты, представив мнѣ размышлять о причинах его необычнаго волненія. Трактат о стрѣльбѣ из лука, нѣмецкій словарь, собраніе дѣтских стихотвореній, непонятныя восклицанія Ванса касательно безумія и фантастики—какая могла быть связь между всѣм этим? Я пытался подыскать объясненіе но безуспѣшно. Да и не удивительно, что мнѣ это не удалось. Даже когда открылась

правда, когда, через недѣли, она явилась в подтвержденіи несомнѣнныхъ доказательствъ, нормальный человѣческій ум отказывался воспринять ее, до того она была невѣроятна, до того омерзительна.

Ванс вскорѣ прервалъ мои размышленія. Онъ былъ одѣтъ для выхода на улицу и, повидимому, нетерпѣливо ожидалъ задержавшагося Маркхема.

— Знаете, мнѣ очень хотѣлось чего-нибудь интереснаго, какого-нибудь славнаго, захватывающаго преступленія,—замѣтилъ онъ—но честное слово—я вовсе не хотѣлъ такого кошмара. Если бы я не зналъ такъ хорошо Маркхема, я бы заподозрилъ его в томъ, что онъ издѣвается надо мною.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, Маркхемъ поднялся в садикъ на крышѣ, было болѣе чѣмъ ясно, что онъ очень озабоченъ. Выраженіе его лица было мрачно, обычная привѣтливость замѣнилась сухой оффиціальностью. Маркхемъ и Вансъ уже пятнадцать лѣтъ были близкими друзьями, хотя по природѣ это были антиподы: одинъ суровый, быстрый, смѣлый, прямой, тягостно серьезный, другой капризный, циничный, любезный, смотрѣвшій свысока на житейскія мелочи. Они хорошо дополняли другъ друга, и какъ часто на такой основѣ строится неразрывная, долговременная близость!

В теченіе года и четырехъ мѣсяцевъ Маркхемъ былъ участковымъ слѣдователемъ Нью-Йорка, за это время онъ много разъ обращался къ Вансу за совѣтомъ в важнѣйшихъ дѣлахъ, и Вансъ никогда не обманывалъ довѣрія къ своей способности правильно мыслить и схватывать на лету. Дѣйствительно, Вансъ раскрылъ большое число крупныхъ преступленій, случившихся во время четырехъ лѣтъ пребыванія Маркхема на службѣ. Его знаніе человѣческой природы, большая начитанность, культурность, острота логической мысли, чуткость къ скрытой подъ обманчивой внѣшностью истинѣ дѣлали его в высшей степени пригоднымъ къ работѣ слѣдователя, онъ и выполнялъ ее неоффиціально в тѣхъ процессахъ, которые велись Маркхемомъ.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что в дѣлѣ Епископа Маркхемъ с самаго начала обратился къ Вансу.

Я замѣтил, что все больше и больше полагался он на помощь друга в разслѣдованіи уголовных преступленій; в данном случаѣ особенно было удачно, что он обратился к Вансу, потому что только благодаря его глубокому знанію ненормальных психологических проявленій человѣческаго разума, удалось раскрыть страшный, безумный план и узнать, кто его задумал и выполнял.

— Может быть все это просто мистификація,—говорил Маркхем без всякой, впрочем, убѣжденности.—Но я думал, что может быть ты и захочешь...

— О, конечно! — Ванс саркастически улыбнулся Маркхему.—Присядь на минутку и расскажи мнѣ толком всю исторію. Труп вѣдь не убѣжит. И гораздо лучше привести в нѣкоторый порядок все нам извѣстное, прежде чѣм заняться остальным. Кто является, напримѣр, сторонами в этом дѣлѣ? И почему это обратились прямо в камеру слѣдователя уже через час послѣ смерти жертвы? Все, что ты мнѣ говорил, кажется величайшей бессмыслицей.

Маркхем в раздумьѣ сѣл на край стула и внимательно осмотрѣл кончик своей сигары.

— Чорт возьми, Ванс не дѣлай из этого Удольфской тайны. Преступленіе достаточно ясно. Способ убійства необыкновенный, это я допускаю, но конечно, он не достиг цѣли. За послѣднее время стрѣльба из лука вошла в моду. В каждом городѣ, в каждом колледжѣ упражняются в стрѣльбѣ из лука.

— Совершенно согласен. Но убивали из лука Роббинов в очень отдаленныя времена.

Глаза Маркхема сузились, и он испытующе посмотрѣл на Ванса.

— Тебѣ тоже пришло это в голову?

— Пришло мнѣ это на ум? Да эта мысль вспыхнула в моем мозгу в ту минуту, как ты назвал имя жертвы. — Ванс нѣсколько раз затянулся. — Кто убил Кок-Робина? Да еще стрѣлой из лука!... Удивительно, как эти стишки, заученные в дѣтствѣ, долго держатся в памяти. Между прочим, как зовут м-ра Робина?

— Кажется Джозеф.

— Неназидательно и невнушительно... А второе имя?

— Послушай, Ванс, — раздраженно сказал Маркхем. — Какое имѣет отношеніе к дѣлу второе имя уби-
таго?

— Ни малѣйшаго. Но, если уж сходить с ума, так слѣдует продѣлать для этого все необходимое. Обрывки разума не имѣют никакой цѣны.

Он позвонил Керри и послал его за телефонной книжкой. Маркхем протестовал, но Ванс сдѣлал вид, что не слышит, и когда книжка появилась, он нѣсколько минут рылся в ней.

— Покойный жил на Риверсайдской аллеѣ? — Наконец спросил он, остановив палец на найденном имени.

— Думаю, что так.

— Хорошо, очень хорошо! — Ванс закрыл книгу и устремил торжествующій взор на участковаго слѣдователя. — Маркхем, — медленно заговорил он, — в телефонном списокѣ только один Джозеф Робин. Он живет на Риверсайдской аллеѣ и его второе имя — Кокрейн.

— Что за вздор? — Голос Маркхема почти дрожал от ярости. — Ну, пусть его зовут Кокрейн; неужели ты серьезно предполагаешь, что этот факт имѣет какое нибудь отношеніе к убійству?

— Честное слово, старина, я ничего не предполагаю. — Ванс слегка пожал плечами. — Я только отмѣчаю, так сказать, нѣкоторые факты в связи с этим случаем. Вот как обстоит дѣло: м-р Джозеф Кокрейн Робин, т. е. Кок-Робин, убит стрѣлой из лука. Не покажется ли это даже твоему юридическому уму чертовски странным?

— Нѣтъ! — Коротко бросил Маркхем. — Имя покойника очень обыкновенное; и удивительно, что благодаря этому воскрешенію стрѣльбы из лука, не убито или не ранено множество людей в странѣ. Кромѣ того, совершенно возможно, что смерть Робина является просто несчастным случаем.

— Прямо удивительно! — Ванс укоризненно покачал головой. — Этот факт, если даже это и правда, нисколько не разъясняет положенія; он дѣлает его еще